

«ВЕТВЬ НЕВЬЯНСКОГО СУНДУЧНОГО ПРОМЫСЛА...» (О КУНГУРСКОМ СУНДУЧНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)

Г. А. Пудов

Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Урал с давних пор был одним из очагов русского сундучного промысла. В литературе, как правило, речь идет о мастерах Невьянска и Нижнего Тагила. Однако не только в этих заводских поселках делали сундуки и шкатулки. Настоящая публикация посвящена сундучному промыслу, существовавшему во второй половине XIX – начале XX века в деревнях Кунгурского уезда, в которых он зародился под влиянием кустарей Среднего Урала. Эта тема ранее почти не привлекала внимание исследователей. Ее актуальность повышается в контексте того интереса к истории региональных очагов народного искусства, который имеет место сегодня. Цель статьи – общая характеристика сундучного промысла Кунгурского уезда, а также определение его значения для истории русского сундучного производства. Приводится информация об организации промысла, количестве изготовленных сундуков и участии мастеров в выставках. Анализируются художественные и технические особенности изделий. Немалую роль сыграли комплексный и компаративный методы исследования. Делается вывод, что Троельжанская волость Кунгурского уезда во второй половине XIX – начале XX века была одним из центров сундучного дела, имевших региональное значение.

Ключевые слова: Троельжанская волость, Кунгурский уезд, кустарная промышленность, уральский сундук, «мороз» по жести.

Введение

Ко второй половине XIX столетия Урал стал одним из главных центров русского сундучного производства. Местные мастера успешно участвовали в выставках, активно продавали продукцию на многочисленных ярмарках (наиболее крупные – Нижегородская и Ирбитская). Тысячи уральских изделий расходились по всему миру. Деятели Пермского земства называли сундучный промысел «украшением нашего края».

Очевидно, что промысел не мог долгое время оставаться в границах заводских поселков – Невьянск и Нижний Тагил источали мощные культурные импульсы. Под их влиянием зародились сундучные производства в других местах, например, в Тюмени, Семипалатинске, Ирбите. Деревни Кунгурского уезда также стали одним из «филиалов» заводского сундучного дела. Они были своего рода частицей огромной мозаики под названием «уральский сундучный промысел». Однако до сих пор история кунгурского сундучного дела находилась в тени промысла Невьянска и Нижнего Тагила. Актуальность исследования очевидна в контексте возрастающего интереса к народному искусству, который наблюдается в настоящее время.

Цель статьи – характеристика сундучного промысла Кунгурского уезда (Троельжанская волость), определение его значения для истории сундучного производства России. В круг задач входит введение в научный оборот новых сведений и анализ конкретных произведений. Хронологические рамки исследования: вторая половина XIX – начало XX века, это время наибольшей активности кунгурских сундучников.

Следует отметить, что публикация отражает лишь определенный этап исследования и не претендует на окончательные выводы. Возможно, в дальнейшем, при обнаружении большего количества произведений, некоторые положения статьи будут скорректированы.

Обзор литературы

Первые упоминания о кунгурском сундуке появились в 1887 году [1, с. 41–44]. Земский статистик Егор Иванович Красноперов (вернее, один из его сотрудников, «господин Харитонов») привел информацию о мастерах, количестве изготовленных ими сундуков, типах и способах декорирования, а также о местах сбыта. В 1890 году некто П. Х-в также упоминал в газетной заметке о кунгурских сундуках и приводил цифровые показатели, характеризующие масштабы производства [2, с. 95]¹. Подобная информация опубликована в земском издании 1915 года, посвященном кустарной промышленности Кунгурского уезда [3, с. 70], и некоторых статистических изданиях начала XX века.

Научная литература по истории сундучного дела в селениях Троельжанской волости отсутствует². Лишь в монографии автора настоящей статьи, посвященной уральским сундукам XVIII–XX вв. [5, с. 79], есть несколько абзацев о кунгурском сундучном деле. Однако цели и задачи книги касались общей характеристики уральского сундука, поэтому история кунгурского «филиала» была рассмотрена вкратце.

¹ Возможно, это тот же «господин Харитонов».

² В Уральском торгово-промышленном адрес-календаре существуют единичные упоминания о сундучных заведениях и в самом городе Кунгуре (например, И. С. Гурилева, А. Д. Гурилевой) [4, с. 400].

Таким образом, информация о сундучном деле Кунгурского уезда второй половины XIX – начала XX века ограничивается лишь краткими сведениями в нескольких публикациях. При этом они касались исключительно организационной и технической сторон производства. Не было сделано выводов касательно роли кунгурского промысла в общей истории русского сундучного производства, не проанализирована выставочная деятельность кунгурцев, не рассмотрены конкретные произведения.

Методы исследования

Важную роль в ходе исследования сыграли комплексный и компаративный методы. Первый позволил проанализировать кунгурский сундучный промысел в соответствии с методиками, принятыми в краеведении и статистике. На основе второго удалось выявить художественные и конструктивные особенности кунгурских сундуков на фоне среднеуральских, а также констатировать зависимость их художественного стиля от изделий заводских кустарей.

Результаты и дискуссия

Наиболее заметное развитие сундучный промысел получил в Троельжанской волости Кунгурского уезда. Он зародился в середине XIX века, технология была заимствована у невьянских и тагильских сундучников. Основателем промысла считается крестьянин деревни Синеццо Давид Калинин. Причины появления промысла были исключительно экономические: «Спрос на сундуки в то время был большой и плата дорога, почему Калинин и занялся приготовлением их» [1, с. 41]. Сложилась благоприятная условия для появления промысла: наличие спроса, материалов и ремесленных традиций. Деревня Синеццо стала основным местом производства сундуков.

Она известна с 1782 года. Судя по справочной литературе начала XX века, деревня не была крупной: в «Списке населенных мест Пермской губернии» за 1909 год указывалось, что в деревне Синеццо 24 двора, 53 жителя мужского пола и 68 – женского [6, с. 81]³. В настоящее время ее не существует.

Местные мастера во второй половине XIX века делали сундуки трех размеров, длиной от 70 до 110 см. Ящики покупались чаще в Бымовском заводе (Осинский уезд) и деревне Романовка (Старо-Бершетская волость Пермского уезда). Другие необходимые материалы мастера покупали в Кунгуре и Перми, а «железо где попало, лишь бы подешевле» [1, с. 42]. Большинство мастеров замки приобретали в Кунгуре, только Д. И. Калинин делал самостоятельно. Известно, что для наиболее дорогостоящих сундуков, которые изготавлива-

лись по заказу («уборных»), жечь отдавали чеканить в Нижний Тагил и Невьянск. В мастерской Д. И. Калинина чеканкой занималась сестра хозяйина, а «мороз» делал он сам. Пока не ухудшилось зрение, он также печатал рисунки разного рода.

Делались следующие виды сундуков: расписные, обитые железными полосами и «уборные», т. е. обитые «мороженым» железом, с отпечатанными на нем рисунками. В росписи преобладали холодная гамма синих, голубых и зеленых тонов, дополненная желтым [7, с. 132]. Эти цвета характерны для кунгурской росписи.

Всего производилось около полутора тысяч сундуков в год, они сбывались на сельских ярмарках Осинского, Кунгурского и Пермского уездов [2, с. 95]⁴. На две ярмарки приезжали все кустары: Никольскую в Осе и ярмарку «на девятую пятницу» в Кунгуре. Остальные же: Благовещенскую и Введенскую в селе Ординском, Никольскую в селе Ильинском, Алексеевскую в селе Еловом (сёла Осинского уезда) и Мининскую в Кунгуре – посещал только Калинин, иногда он ездил и в Пермь. До строительства железной дороги, соединившей Предуралье и Зауралье, синеццынские сундучники не имели конкурентов и торговали свободно. Однако позднее появились невьянцы и значительно понизили цены на сундуки.

В 1900 году в «Материалах к оценке земель Пермской губернии» указывалось: «В данном промысле кроме столярного искусства требуется некоторый навык в слесарных поделках (некоторые кустары выделывают, наприм., собственноручно личины для сундуков), а также в умение окрашивать сундуки в требуемые потребителями цвета. Материалы кроме дерева, железо, жечь, замки, скобы и проч. приобретаются в Кунгуре и по сельским ярмаркам. Промысел в последние годы за недостатком спроса падает. Чистая выручка от промысла незначительная» [8, с. 73].

На 1915 год в сундучном промысле Троельжанской волости существовало 12 заведений. Сложилась следующая ситуация: подавляющее число работников – мужчины от 21 до 45 лет, работали как члены семьи, так и наемные мастера (формы найма преобладали сдельные и помесечные), максимальная продолжительность рабочего времени – 120 дней в год. Для всех хозяев заведений сундучный промысел был подсобным занятием. Продукция сбывалась как «на вольную продажу», так и скупщикам, материалы использовались свои. Троельжанская волость в это время была главным и единственным центром сундучного промысла в Кунгурском уезде [3, с. 70]. О существовании сундучного производства в уезде после революции 1917 года ничего неизвестно.

³ Сведения о других населенных пунктах, где делали сундуки: с. Троельга – 92 двора (190 мужчин и 209 женщин; наличие земской школы, церкви, библиотеки, фельдшерского пункта), д. Заборская – 46 дворов (98 мужчин и 107 женщин) [6, с. 80].

⁴ В Кунгурском уезде, судя по каталогам выставок, делались также шкатулки, но об их внешнем виде почти ничего неизвестно.

Таким образом, промысел просуществовал чуть более полувека – с середины XIX столетия до 1917 года. Его история знала периоды расцвета и упадка. Положение кунгурского промысла зависело от социально-экономической ситуации в регионе и, вероятно, не в последнюю очередь – от положения в «митрополии» (Невьянск и Нижний Тагил).

Среди известных мастеров, чаще всего упоминаемых в литературе, можно назвать следующих:

Калинин Давид Иванович. Как указывалось выше, считается основателем сундучного промысла, навыки получил у среднеуральских мастеров. Занимался производством сундуков, обитых железом (возможно, вместе с зятем *Матвеем Калининным*) [1, с. 41–44; 7, с. 132; 9, с. 49; 10, с. 119].

Карманов Иван П. Упоминается в 1908 году, продолжительность рабочего времени в его мастерской равнялась шести месяцам в год, насчитывалось трое наемных рабочих [11, с. 84].

Карманов П. П. Упоминается в 1908 году, продолжительность рабочего времени – 1,3 месяца в год, один наемный рабочий [9, с. 49; 11, с. 84].

Паластров Иван. Троельжанская волость, д. Заборская. Делал деревянные сундуки, окованные железом. Сбыт – на месте производства и в городах Кунгур и Оса [10, с. 118].

Ременников Иван. Троельжанская волость, д. Заборская. Делал деревянные сундуки, окованные железом. Сбыт – на месте производства и в городах Кунгур и Оса [10, с. 118].

Синицын Егор Г. Троельжанская волость, д. Синицыно. Делал сундуки (цена – 2 рубля), сбыт в городах Кунгуре и Осе [10, с. 119; 11, с. 84].

Таким образом, кунгурские мастерские – небольшие семейные предприятия с ограниченным числом наемных рабочих. Е. И. Красноперов указывал: «В этом производстве по временам участвует вся семья кустаря, особенно перед какой-нибудь ярмаркой при окраске сундуков» [1, с. 42]. Изготовление сундуков было лишь дополнительным занятием в свободное от полевых работ время. Ни по объемам производства, ни по активности выставочной и ярмарочной деятельности кунгурские мастерские не могут сравниться с невьянскими и нижнетагильскими «фабриками». В этом отношении кунгурский сундучный промысел обнаруживает сходство с соседним вятским.

Установлено участие кунгурских мастеров в двух крупных выставках: Сибирско-Уральской научно-промышленной (Екатеринбург, 1887) и Казанской научно-промышленной (1890). Вероятно, это произошло с помощью Пермского земства, поскольку собственными силами кунгурские кустари вряд ли бы сумели вывезти свою продукцию на столь значительное расстояние. Выставки продемонстрировали крайнюю малочисленность кунгурского сундучного промысла, его ярко вы-

раженный региональный характер и прямую зависимость от тагило-невьянского центра, выступавшего в роли митрополии по отношению к местным очагам производства.

В настоящее время известно немного сундуков Кунгурского уезда. Вероятнее всего, они «тонут» в массе уральской сундучной продукции, потому что при отсутствии клейм и росписи выделить именно кунгурские изделия крайне сложно. Можно констатировать, что среди сундуков и шкапулок, которые ранее атрибутировались как невьянские и / или нижнетагильские, встречаются кунгурские. Очевидно, что в некоторых случаях при определении места производства более корректно указывать «уральский тип», а не, например, «Невьянск», «Нижний Тагил» или «Троельжанская волость Кунгурского уезда» (подобное явление характерно не только для Урала, но и для других центров русского сундучного промысла второй половины XIX – начала XX века, в частности, нижегородского [12, с. 87; 13, с. 153]).

Рассмотрим сундуки, происхождение которых из Троельжанской волости не вызывает сомнений.

На внутреннюю сторону крышки изделия из частной коллекции⁵ нанесено клеймо: «Сундучное производство и торговля Ивана Прокопьевича Каржакова, деревня Синицына, Троельжанская волость, Кунгурская губерния» (см. рисунок).

Клеймо сундучной мастерской И. П. Каржакова
Fig. The stamp of Karzhakov chest workshop

Об этом сундучном заведении на данный момент ничего не известно. Сундук И. П. Каржакова – изделие значительного размера, имеет прямоугольную форму, сверху – покатая крышка. Поверхности окрашены в зеленый цвет. На лицевой стороне размещены две простые геометрические фигуры, декорированные железными полосами, расположенными в виде сетки. Под них подложена цветная бумага. Сундук находится в плохом со-

⁵ Сундук Л. Н. Кузьминых из пос. Суксун Пермского края (материалы полевых исследований автора) [14, с. 218].

стоянии, однако и сегодня очевидно, что он представлял высококлассное произведение народного искусства.

Другой сундук также находится в частном собрании. Он прямоугольной формы, сверху – показная крышка, прикрепленная к задней стенке посредством трех металлических шарниров. По углам и в середине – фигурные ножки. Крышка, задняя и боковые стороны окрашены в зеленый цвет. Наверху крышки и на боковых стенках полосы перекрещиваются и образуют косую сетку. На задней стенке прибиты вертикальные полосы. Передняя сторона покрыта золочеными жестяными листами (края укреплены также металлическими полосами). Композиция «фасада» состоит из трех частей. В каждой – по шестиугольнику, образованному широкими полосами и наугольниками. Кроме того, каждый шестиугольник декорирован «морозом» янтарного цвета. На передней стенке также прикреплены полосы с чеканным орнаментом, состоящим из растительных и геометрических мотивов. На боковых стенках – по две кованые ручки.

Очевидно, что сундук изготовлен в рамках художественных традиций сундучного производства Среднего Урала, однако претворены они несколько иначе. Мастера использовали те же материалы, техники, приемы⁶, но под влиянием местной среды изменились их комбинации, они отличаются от принятых в Невьянске и Нижнем Тагиле. Необходимо также указать на такой фактор, как пожелания покупателей троельжанских сундуков. Кунгурские мастера не ездили на крупные международные ярмарки в Нижний Новгород и Ирбит, поэтому должны были ориентироваться лишь на местные вкусы.

Выводы

Троельжанская волость Кунгурского уезда – один из региональных центров русского сундучного производства⁷. Он возник под непосредственным влиянием промысла Невьянска и Нижнего Тагила.

Однако в данном случае термин «влияние» следует понимать лишь в том смысле, что кунгурский сундук – вариант среднеуральского, это не «внешнее» художественное явление: оно на всем протяжении истории находилось в рамках уральских ремесленных традиций.

Кунгурские мастера обслуживали местный рынок. Кроме того, благодаря деятелям Пермского земства они смогли принять участие в крупных выставках и таким образом представить продукцию большому количеству потенциальных покупателей. Однако следует подчеркнуть, что по масшта-

бам деятельности кунгурцы не могли сравниться с «сундучными королями» Среднего Урала.

Литература

1. Красноперов, Е. И. Кустарная промышленность Пермской губернии на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в г. Екатеринбурге в 1887 году / Е. И. Красноперов. Вып. 3. – Пермь : Тип. Губ. земской управы, 1889. – 170 с.
2. Х-в, П. Промыслы Кунгурского уезда / П. Х-в // Екатеринбургская неделя. – 1890. – № 5. – С. 95.
3. Очерк кустарных промыслов Кунгурского уезда, Пермской губернии / Оценочно-статистическое бюро Пермского губернского земства. – Пермь : Электро-тип. губ. земства, 1915. – 115 с.
4. Уральский торгово-промышленный адрес-календарь...: Пермская, Уфимская, Оренбургская и Вятская губернии, 1905 г. – 1904. [Год 7-й] – 484 с.
5. Пудов, Г. А. Уральские сундуки XVIII–XX веков: История. Мастера. Произведения / Г. А. Пудов. – СПб. : Первый класс, 2016. – 339 с.
6. Список населенных мест Пермской губернии. Кунгурский уезд. – Пермь : Эл.-тип. губ. земства, 1909. – 117 с.
7. Искусство Прикамья. Народная роспись по дереву : каталог/ авт.-сост. В. А. Баратулин. – Пермь : Пермское книжное изд-во, 1987. – 184 с.
8. Материалы к оценке земель Пермской губернии. Т. II. Кунгурский уезд. – Пермь : Тип. губ. земской управы, 1900. – 722 с.
9. Каталог Казанской научно-промышленной выставки 1890 г. Пермское кустарное отделение. – Казань, 1890. – 73 с.
10. Справочный указатель кустарных производств и кустарных мастеров. Вып. V. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1902. – 762 с.
11. Мелкие промышленные заведения Пермской губернии. – Пермь : Электро-тип. Губ. земства, 1908. – 236 с.
12. Прокопьев, Д. В. Художественные промысла Горьковской области / Д. В. Прокопьев. – Горький : Горьковское областное издательство, 1939. – 232 с.
13. Овсянников, Н. Н. О торговле на Нижегородской ярмарке / Н. Н. Овсянников // Нижегородский сборник. – Нижний Новгород : Тип. Нижегородского губернского правления и Г. А. Пендрина, 1867. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 153.
14. Пудов, Г. А. Историческое наследие как основа формирования культурной идентичности (на примере русских сундуков) / Г. А. Пудов // Мировая художественная культура XXI века. Предметно-пространственная среда и проблемы культурной идентичности. Т. I. – М. : МГХПА им. С. Г. Строганова : РАХ, МАРХИ, 2021. – С. 214–222.
15. Промыслы Екатеринбургского уезда Пермской губернии / собр. и обраб. под ред. П. Н. Зверева стат. отд-ние Екатеринбург. земской управы. –

⁶ О материалах и техниках, которые использовались в уральском сундучном промысле, см.: [15, с. 1–40].

⁷ В Рождественской волости того же уезда также известно о небольшом сундучном производстве.

Пудов Глеб Александрович – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела народного искусства, Государственный Русский музей (Санкт-Петербург), e-mail: narodnik80@list.ru. ORCID 0000-0001-7270-8065

Поступила в редакцию 2 октября 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh240107

A BRANCH OF THE NEVYANSKY CHEST CRAFT (KUNGUR CHEST PRODUCTION OF THE MID 19th TO EARLY 20th CENTURY)

G. A. Pudov

State Russian Museum, St. Petersburg, Russian Federation

The Urals has long been one of the centers of Russian chest making. The literature usually talks about the masters of Nevyansk and Nizhny Tagil, although chests and caskets were not only made in these villages. This paper is devoted to the chest craft that existed in the villages of the Kungur district and which originated under the influence of factory artisans – a topic which has attracted little attention of researchers. Its relevance is increasing given today's interest in the history of regional centers of folk art. This article offers a general description of the chest craft of Kungur district and determines its significance in the history of Russian chest production. Information is provided on the organization of production, the number of manufactured chests, and the participation of craftsmen in exhibitions. The artistic and technical features of the products are analyzed. Complex and comparative research methods were used in studying the history of the Kungur chest craft. It is concluded that the Troelzhanskaya volost of Kungursky Uyezd in the second half of the 19th to early 20th century was a regionally significant center of the chest production.

Keywords: Troelzhanskaya volost, Kungursky uyezd, handicraft industry, Ural chest, “frost” on tin.

References

1. Krasnoperov E.I. Kustarnye promyshlennost' Permskoj gubernii na Sibirsko-Ural'skoj nauchno-promyshlennoj vystavke v g. Ekaterinburge v 1887 godu [The Handicraft Industry of Perm Province at the Siberian-Ural Scientific and Industrial Exhibition in Yekaterinburg in 1887]. Vyp. 3. Perm': Tip. Gub. zemskoj upravy, 1889. 170 s.
2. H-v P. Promysly Kungurskogo uezda [Crafts of the Kungur District] // *Ekaterinburgskaya nedelya*. 1890. № 5. S. 95.
3. Oчерк kustarnyh promyslov Kungurskogo uezda, Permskoj gubernii / Ocenочно-statisticheskoe byuro Permskogo gubernskogo zemstvo [An Essay on Handicrafts of the Kungursky District, Perm Province / Evaluation and Statistical Bureau of the Perm Provincial Zemstvo]. Perm': Elektro-tip. gub. zemstva, 1915. 115 s.
4. Ural'skij torgovo-promyshlennyj adres-kalendar'...: Permskaya, Ufinskaya, Orenburgskaya i Vyatskaya gubernii, 1905 g. [Ural Commercial and Industrial Address-Calendar...: Perm, Ufa, Orenburg and Vyatka provinces, 1905]. 1904. [God 7-j]. 484 s.
5. Pudov G.A. Ural'skie sunduki XVIII–XX vekov: Istoriya. Mastera. Proizvedeniya [Ural Chests of the XVIII–XX Centuries: History. Masters. Works]. SPb.: Pervyj klass, 2016. 339 s.
6. Spisok naselennyh mest Permskoj gubernii. Kungurskij uezd [The List of Populated Places in Perm Province. Kungursky Uyezd]. Perm': el.-tip. gub. zemstva, 1909. 117 s.
7. Iskusstvo Prikam'ya. Narodnaya rospis' po derevu [The Art of the Kama Region. The folk Painting on Wood]: katalog / avt.-sost. V.A. Baradulin. Perm': Permskoe knizhnoe izd-vo, 1987. 184 s.
8. Materialy k ocenke zemel' Permskoj gubernii. T. II. Kungurskij uezd [Materials for the Evaluation of the Lands of the Perm Province. Vol. II. Kungursky Uyezd]. Perm': tip. gub. zemskoj upravy, 1900. 722 s.
9. Katalog kazanskoy nauchno-promyshlennoj vystavki 1890 g. Permskoe kustarnoe otdelenie [The Catalog of the Kazan Scientific and Industrial Exhibition of 1890. Perm Handicraft Department]. Kazan', 1890. 73 s.
10. Spravochnyj ukazatel' kustarnyh proizvodstv i kustarnyh masterov. [The Reference Index of Handicraft Industries and Artisanal Craftsmen]. Vyp. V. SPb.: Tip. V. Kirshbauma, 1902. 762 s.
11. Melkie promyshlennye zavedeniya Permskoj gubernii [Small Industrial Establishments of the Perm Province]. Perm': Elektro-tip. Gub. zemstva, 1908. 236 s.

12. Prokopyev D.V. Hudozhestvenn'e promysla Gor'kovskoj oblasti [Artistic Crafts of the Gorky Region]. Gor'kij: Gor'kovskoe oblastnoe izdatel'stvo, 1939. 232 s.
13. Ovsyannikov N.N. O torgovle na Nizhegorodskoj yarmarke [About Trade at the Nizhny Novgorod Fair] // *Nizhegorodskij sbornik*. Nizhnij Novgorod: Tip. Nizhegorodskogo gubernskogo pravleniya i G.A. Pendrina, 1867. T. 1. Ch. 2. S. 153.
14. Pudov G.A. Istoricheskoe nasledie kak osnova formirovaniya kul'turnoj identichnosti (na primere russkih sundukov) [Historical Heritage as the Basis for the Formation of Cultural Identity (Using the Example of Russian Chests)] // *Mirovaya hudozhestvennaya kul'tura XXI veka. Predmetno-prostranstvennaya sreda i problemy kul'turnoj identichnosti*. T. I. M.: MGHPA im. S.G. Stroganova: RAH, MARHI, 2021. S. 214–222.
15. Promysly Ekaterinburgskogo uezda Permskoj gubernii [Crafts of the Yekaterinburg District of the Perm Province] / sobr. i obrab. pod red. P.N. Zvereva; stat. otd-nie Ekaterinb.zemskoj upravly. Ekaterinburg, 1889. S. 1–40.

Gleb A. Pudov – Cand. Sc. (Art History), Senior Researcher of the Folk-Art Department, State Russian Museum (St. Petersburg), e-mail: narodnik80@list.ru

Received October 2, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Пудов, Г. А. «Ветвь невянского сундучного промысла...» (о кунгурском сундучном производстве середины XIX – начала XX века) / Г. А. Пудов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24, № 1. – С. 59–64. DOI: 10.14529/ssh240107

FOR CITATION

Pudov G. A. A Branch of the Nevyansky chest craft (Kungur chest production of the mid 19th to early 20th century). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2024, vol. 24, no. 1, pp. 59–64. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh240107
